

и при помощи ног, и при помощи крыльев. Было древнее предание, дошедшее до нас и переходившее из уст в уста, а именно, что под левым копытом одной из передних ног этого коня скрыты изображение человека, которого одни принимают за венецианца, другие же за какого-то латина не из союзных грекам или из болгар. Потому нога была прикреплена несколькими гвоздями с тем, чтобы нельзя было похитить того, что находилось под ней. И конь, и всадник были оба разбиты на куски и брошены в огонь; при этом нашли и ту медную фигурку, скрытую в лошадиной ноге и завернутую в шерстяную ткань. Но так как латины мало заботились о том, что изображала надпись под ней, то и бросили ее вместе с прочим в огонь.

5. Эти варвары не пощадили и других статуй в Гишпо, кроме и, враждуя с изящным, истребили множество удивительных произведений; все это было перелито ими в монету, великое обратилось в ничтожное, и то, что было воздвигнуто с огромными расходами, уступило место презревшим дельгам. Таким образом погибла и статуя *Геркулеса Триеспера* (трехвечерний — один из эпитетов этого героя), великолепно исполненная и стоявшая в Кофине; на нем была накинута львиная шкура с головой; как при мертвом металле, но глаза статуи смотрели как живые, и из уст его как будто вырывался крик, которым он хотел разогнать праздную толпу, собравшуюся около него. Геркулес сидел без колчана и лука; не было даже и палицы; правая нога и правая рука были протянуты вперед, как только можно; левая же нога пригнута и на нее оперлась левая рука; на руке лежала голова, отягченная печалью; герой оплакивал свою злосчастную судьбу и жаловался на труды, которыми его хотел обременить Эвристей, не потому, чтобы он нуждался в его трудах, но из зависти и злоупотребляя своей властью. Геркулес был изображен с широкими плечами и грудью, с курчавыми волосами, толстым задом, мускулистыми руками и, как я полагаю, в том же самом размере, в каком отлил Геркулеса из меди Лизимах (Лизипп), свой первый и последний труд. Величина статуи была такова, что пундук, обведенный около его

пальца мог опоясать человека, а берцовая кость была с человеческий рост. И этого-то Геркулеса не пощадили варвары, хотя они силу ставят выше всех добродетелей, приписывают ее себе и гордятся ею.

6. Вместе с этой статуей они истребили группу *Осла*, выступающего с ревом, и идущего за ним погонщика; Август Кесарь поставил ее в Аквиуме, называемом у греков Никополисом, в воспоминание того случая, когда он вышел ночью отыскивать войско Антония и встретил человека с ослом; на вопрос, кто он и куда идет, погонщик отвечал: «Меня зовут *Никотом* (победитель), а моего осла *Никандром* (победитель мужей); иду же я в лагерь Кесаря».

7. Не была пощажена и другая группа *Свиньи и Волчины*, которые вскормили Рема и Ромула; для мелкой медной монеты этот древнейший и уважаемый памятник был отдан в переливку. Туда же пошли и следующие группы: *Человека, сражающегося со львом*; *Иннопотама*, который заканчивался чешуйчатым хвостом; *Слона*, потрясающего хоботом, и *Сфинксов*, которые спереди имели вид красивых женщин, а сзади походили на страшных чудовищ; вообще их паружность была замечательна, ибо хотя они ступали ногами, но неслись при помощи крыльев и смеялись над быстротой птиц. Погиб и невзгуданный *Конь* с уставленными ушами, он ржал и весело подкакивал; погибла и *Сицилла*, из боков которой выходили чудовища, бросившиеся на корабль Улисса и пожравшие его спутников.

8. В Гишпо, кроме же помещался медный *Орел*, новое изображение Аполлония Тиасского¹ и изумительное орудие его чар. Когда он прибыл в Византию, его просили спасти от змей, преследовавших византийцев. Вследствие того, совершив какие-то печальные обряды, которым следуют служители демонов, он поместил орла на колонне, очаровывавшего души всех, и убеждал смотреть на него как можно долее; действительно, глядевшие на орла не могли сойти с места, как те, которые слухали пение си-

¹ Один из языческих философов II в. от Р. Х., хотевший поддержать падавшую религию преобразованием ее.